

С.В. Никольский в моей памяти

Немного воспоминаний о личных встречах и размышлений по поводу перевода книги «История образа Швейка.

Новое о Ярославе Гашеке и его герое»

Был пасмурный московский ноябрь 2003 г., когда я впервые встретила с профессором С.В. Никольским на конференции по Первой мировой войне. Меня представила ему Людмила Норайровна Будагова, и я обратила внимание, как торжественно в тот момент прозвучали ее слова по сравнению с представлением меня другим коллегам. По первым же фразам нашей беседы мне стало понятно, что это особенное отношение вызвано не только возрастом, но и тем искренним интересом пана профессора ко всему, что касается чешской культуры. Пока шла конференция, я не спускала с него глаз, наблюдала за его реакцией на выступления, внимательно слушала, о чем он говорил во время перерыва. Уважение к его личности было безмерно. Насколько я могу судить о результатах своих тогдашних наблюдений, увиденный мною человек очень располагал к себе, был внимателен, дружелюбен, но и одновременно строг. Во время моего доклада он постукивал ручкой, предупреждая об отведенном времени. Особенно я отметила тогда его ироничность и чувство юмора, ведь, кажется, из всех присутствовавших он единственный среагировал на мою шутку о сравнении чешского и словацкого национального характера

через гимны: вопросительный знак против восклицательного, несколько испуганное чешское «Где?» и словацкий призыв «Остановим их!». Он сразу заулыбался и закивал в знак согласия. Моя симпатия к пану профессору всё возрастала, но самое важное – при том, что я уже знала, сколько молодых богемистов он воспитал, – еще ждало меня впереди.

В один из вечеров мы отправились в Чешский центр на показ какого-то нашего фильма из «золотой коллекции». Примечательно, что от фильма у меня воспоминаний особо не сохранилось, зато реакция зрителей в темном зале на запоздалый приход нашей группы из четырех человек врезалась в память. С разных сторон вдруг зашумели: «Никольский! Никольский!» Так обычно реагируют на появление звезд из иных сфер, нежели науки. Чувствовалось в этом и уважение к заслугам – это уже было мне известно, – и редкость встречи, ведь Сергей Васильевич наверняка посещал далеко не каждое культурное мероприятие Чешского центра. Когда после фильма мы направились к такси, меня поразила еще одна мелочь. Было скользко, и мой молодой коллега хотел помочь профессору, которому тогда уже было за восемьдесят, пересечь дорогу, однако помощь была решительно отвергнута. А дальше последовала кульминация вечера – поездка по ночной Москве. Без спешки и под личным руководством Никольского. Освещенные аллеи, ряды несущихся мимо машин и слова опытного экскурсовода и настоящего москвича, ведущего нас по литературным местам любимого города. Я тоже очень люблю

Москву, здесь я в студенческие времена провела целый год, мне близок Пушкин, для которого в этом городе так «много <...> для сердца русского слилось». Мои воспоминания тридцатилетней давности ожили в атмосфере того вечера, особенно, когда к нам присоединился Михаил Булгаков. Никольский с любовью показывал, где Патриаршие пруды, Большая Садовая, Варьете, Дом Грибоедова. Я знала эти места и дополняла цитаты Никольского из «Мастера и Маргариты» чешским переводом. Можно сказать, что мы какое-то время говорили «по-булгаковски», и думаю, я именно в тот момент снискала симпатию Сергея Васильевича. А когда речь зашла о Ярославе Гашеке и его Швейке, книге, которую Никольский издал в 1997 г. и хотел видеть на чешском языке, я по причине, не объяснимой мне сейчас разумными доводами, произнесла «судьбоносную» фразу: «Так я Вам ее и переведу». Не исключено, что дело было не только в очаровании ночной Москвой, но и в очередном фокусе Воланда. Ведь мы же проезжали мимо Варьете! В любом случае позже магия рассеялась и наступила суровая реальность. Но раз дано обещание – надо выполнять.

Наличие в моем багаже книги «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое» с посвящением автора подтверждало мое обязательство без всяких компромиссов. Вскоре после возвращения домой я получила по почте еще один экземпляр, на этот раз со вставками, исправлениями, дополнениями, замечаниями и целой страницей с инструкциями от Сергея

Васильевича. Книгу я прочла быстро. Некоторые вещи меня заинтересовали, что-то наталкивало на размышления и сравнения с чешской трактовкой темы. Я цитировала книгу и во время своих лекций в университете. Но вот начать делать перевод – это уже совсем другое дело. И не только потому, что в это время у меня были свои тексты на доработке и уже поджимали сроки, а из-за скрытых в тексте «ловушек», требовавших значительного времени для осмысления, помимо самого перевода. Никольский посвятил Гашеку и Швейку многие годы и прекрасно знал соответствующую чешскую литературу и источники, особенно воспоминания современников Гашека. Все эти источники он в большом количестве цитировал. Если цитата была на русском (что было в большинстве случаев), надо было найти и привести ее в оригинале. Проблемой было и обилие цитат из русского издания «Похождения бравого солдата Швейка», где страницы, естественно, не совпадали с чешским оригиналом. Надо было искать текст, иногда совсем короткий, по главам и лишь по смыслу. Иногда это превращалось прямо-таки в детективную работу, требовавшую много времени. Значительную часть романа я по прошествии многих лет читала заново. С другой стороны, это было забавно: иногда я пробовала сама перевести русскую цитату на чешский и потом сравнить с оригиналом Гашека. И настоящей радостью было «попасть в яблочко». Вторую проблему, возникшую при переводе, надо было решать в переписке с Сергеем Васильевичем, так как она касалась содержания, в частности, некоторых чешских реалий.

Никольский работал с историографической литературой пятидесятых годов, которая зачастую искажала действительность, например, националистические уличные волнения 1890-х гг. трактовались как революционное движение. Я объясняла автору, что прозвучав в чешской среде, такие утверждения навредили бы книге, что это показалось бы смешным. И он согласился с этими изменениями. Возможно, с тяжелым сердцем, так как феномен революции ему был близок, о чем говорят, скажем, и воспоминания Людмилы Норайровны. Никольский был ее научным руководителем при написании дипломной работы об Иржи Волькере и убеждал ее, что Бог у поэта – это образ революции. Она, правда, не дала себя переубедить, тем более что сам поэт явился ей во сне и подтвердил, что его Бог – это и в самом деле Бог.

Принести в Чехию Швейка из-за рубежа было смело, т.к. данное хорошо изученное явление стало уже народным и в чешской среде имеет массу литературных трактовок. Почти все исследования звучат в унисон, в том смысле, что воспринимают фигуру Швейка как специфически чешскую. Эта концепция породила и, собственно, такие понятия как «швейковать», «швейковщина», ну а мы, чехи, просто «народ швейков». Вырванная из контекста фраза «только спокойно» (*to chce klid*) часто звучит в повседневной жизни как совет при ревматических болях, эти слова висят на стенах десятков забегаловок и пивнушек, выгравированы на стаканах, написаны на майках и другой сувенирной продукции и подаются как некое чешское национальное флегматическое

отношение к жизни. И вот является некий русский богемист со Швейком наднациональным и вневременным, эдаким олицетворением вечного плебейства, чьим единственным оружием и защитой, щитом и мечом против любого зла и несправедливости является смех. Никольский не автор этой концепции, в русской культуре у нее давняя традиция, но он убедительно обосновал ее своим историко-литературным анализом произведения Гашека. Поэтому его книга не повторяет чешскую интерпретацию, а обогащает ее, ставит новые вопросы, вдохновляет.

Еще более значительный вклад Никольского касается личности самого Ярослава Гашека. Он для него не непонятная фигура, ведущая богемный образ жизни, полный извилин и разных эксцессов. Гашек для него не «чужак», как у Индржиха Халупецкого, и не многоликий Янус, как у ряда других исследователей. Он, без сомнений, цельная личность. Никольский не только обобщил огромное множество деталей из жизни Гашека, но и смог этот разнородный материал «разложить по полочкам», что в конечном итоге создало некую гармонию целостности. Жизнь Гашека он видит как творческий процесс, в котором всё имеет свой смысл и течет живой, динамичной струей. И в этом тоже состоит особый вклад Сергея Васильевича Никольского в историю чешской литературы. А для меня это стало причиной сжиться с переводом настолько, чтобы он мог открыться чешскому читателю во всей своей полноте и убедительности.

Книга «История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое» постепенно превратилась для меня в живое существо, которое иногда меня злило, но главным образом вдохновляло и душевно трогало. Редко случается, что историк литературы рассказывает своим читателям, как он ведет научную работу, выносит на обсуждение свои мысли, ожидания и радости. Здесь же автор делился своими личными переживаниями в связи с путешествием по следам Гашека на Байкал, ярко обрисовывал картину местности и портреты людей, с которыми ему довелось общаться. В 1987 г. Никольский стал первым исследователем, которому удалось подержать в руках военные документы настоящего солдата Йозефа Швейка. Этот пассаж книги звучит особенно драматично. Вместе с Никольским мы идем по пражской Инвалидовне, где находился Военно-исторический архив, с замиранием сердца заказываем кипу документов, о существовании которых мы лишь догадываемся. И вот оно! Вдруг перед нами оказываются ветхие папки, которые никто не брал в руки уже десятки лет, со страхом, как бы все не рассыпалось, мы развязываем полуистлевшие тесемки, и вот уже шелестят поблекшие бумаги солдата с личным номером 20899. И нельзя не разделить эту радость открытия с Сергеем Васильевичем. Можно лишь сожалеть, что книга в чешском переводе не появилась чуть раньше, когда неизвестная глава о настоящем Швейке могла вызвать действительно заслуженный интерес. В Чехии 1990-х гг. стала очень популярна тема истории Первой мировой войны. Ею занимались и профессионалы,

и любители, а архивные документы Швейка в скором времени перестали быть «девственно чисты». Это опоздание касается не только данной главы, но и всей книги, так как чешское пространство после 1989 г. заполнилось новыми темами, отодвинувшими классику в тень. Но ведь это не навсегда...

Когда в 2013 г. я снова оказалась в Москве на конференции Института славяноведения, мы смогли поговорить с Сергеем Васильевичем лишь по телефону. Чешский перевод его книги под названием *V Haškových stopách za Josefem Švejkem* уже был в библиотеках и у своих читателей. Никольский радовался этому, ему были приятны отзывы чешских друзей, которым он подарил книгу. И я была счастлива, что удалось разрешить все затяжные проблемы с издательством и довести книжку до печати. Работа над ней была важной частью моей жизни, и я люблю этот свой труд. Помимо воспоминаний, у меня хранится и стопка писем пана профессора, а главное, я вновь осознаю, что у русской богемистики есть сердце.

Перевод с чешского И.А. Герчиковой